

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ОФИЦЕРОВАкандидат исторических наук, доцент кафедры истории Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
*oficernv@mail.ru***СОВЕТСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ И АКТОРЫ***

Рассматриваются возможности применения теории политического проектирования к советской индустриализации. Освещаются основные элементы теории политического проектирования, важные для анализа процессов модернизации. Рассмотрены внешние и внутренние предпосылки разработки индустриального проекта. Показаны основные политические субъекты советского индустриального проекта, их возможности и сфера деятельности. Обозначаются политические акторы проекта – группы интересов, способные влиять на его процесс и реализацию. Заводские сообщества представлены как акторы советского индустриального проекта, показана их неоднородность и дифференциация, изменение структуры во второй половине 1920-х годов. Коллективные стратегии активного и пассивного протеста показаны как способ социального сопротивления промышленного сообщества реализации советского индустриального проекта. Ленинский призыв рассматривается как средство локализации недовольства старых рабочих. Сделан вывод о начале решающего этапа реализации советского индустриального политического проекта в конце 1920-х годов.

Ключевые слова: теория политического проектирования, политические субъекты и акторы, заводские сообщества, «старые» рабочие, «новые» рабочие, Ленинский призыв, коллективные стратегии

На протяжении последних десятилетий в России наблюдается возрастающий интерес к теории политического проектирования, использованию проектных методов в теоретической и практической деятельности. Многие исследователи выделяют политическое проектирование в самостоятельную область исследований. В России получили признание саратовская и московская школы, анализирующие содержательные, функциональные и институциональные аспекты политического проектирования [1: 10–11]. В 2013 году в Москве была проведена международная научная конференция «Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций», на которой обсуждались вопросы теории и методологии политического проектирования, коммуникативные практики и технологии, субъекты и объекты политического проектирования, модели и практики взаимодействия государства и гражданского общества, проектирование политических идеологий, глобальные и национальные аспекты политических проектов¹.

В 2015 году в Екатеринбурге прошла всероссийская научная конференция с международным участием «Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия», где рассматривались вопросы советской культуры как реализации проекта «модерн», социокультурные основания проекта, основы формирования советской идентичности, формы оппозиции советской идеологии и культуры².

Согласно известному определению, предложенному К. В. Симоновым, политическое про-

ектирование представляет собой «составление научно обоснованных суждений о возможных глобальных, базисных и принципиальных для тех или иных политических систем качественных изменениях, приводящих к существенным политическим трансформациям и занимающих значительный период времени» [10: 150]. М. Н. Грачев предлагает рассматривать политическое проектирование как «деятельность одного или нескольких индивидов либо организаций по созданию, разработке политических проектов» [5: 117]. А. Ф. Афонасова обозначает важное дополнение к определению категории: «...это всегда проектирование в условиях “ключевых неопределенностей”» [1: 11].

Теоретические разработки политического проектирования давно применяются при изучении современных проблем российской модернизации, поэтому нам представляется рациональным использовать их при изучении советской индустриализации.

Вслед за К. Е. Листратовым мы понимаем политический проект как ограниченное во времени целенаправленное изменение отдельной системы с установленными требованиями к качеству результатов, возможными рамками средств и ресурсов и специфической организацией [7: 5]. Индустриализация стала одним из самых масштабных советских политических проектов. Важнейшее значение здесь имеют 1920–1932 годы – период подготовки и первый этап воплощения индустриального дискурса в практике государственной деятельности. Советский ин-

дустриальный политический проект был вызван к жизни как внешними, так и внутренними предпосылками. К числу важнейших предпосылок мы относим потребность советского общества в ликвидации экономической и политической нестабильности после революции 1917 года, доктринальные установки большевиков, экономическую целесообразность индустриализации, потребность общества и власти в целенаправленном изменении социально-политических институтов и многое другое.

При исследовании советской индустриализации как политического проекта нами используется расширенная структурная модель политического проектирования, предложенная А. В. Афонасовой [2: 65]. Остановимся на таких составляющих советского индустриального проекта, как его политические субъекты и акторы.

Субъектом/субъектами жизнедеятельности общества выступают те отдельные лица, группы, корпорации, этносы, движения, государства, общественные и государственные организации и объединения, которые были в состоянии принимать, отстаивать, добиваться реализации общественно значимых решений и нести за них ответственность. Субъект – тот, кто мыслит, познает и действует рационально [6: 58]. Политическими субъектами советского индустриального проекта выступают прежде всего партийные и советские лидеры высшего звена: В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, А. И. Рыков и др., а также государственные институты и общественные организации: ЦК РКП(б) – ВКП(б), СНК РСФСР/СССР и др. Именно они определяли и корректировали цели и задачи, процедуры и правила, этапы и содержание индустриального проекта, преодолевали сопротивление тех или иных сообществ, изыскивали ресурсы и контролировали их использование.

В политическом процессе наряду с субъектами присутствует множество акторов. Под акторами обычно понимаются неочевидные, но, по меткому выражению Н. Н. Козловой, не бессловесные участники процесса. Несмотря на то что акторы действуют по правилам, не ими установленным, они оказывают влияние на результат, на изменение социальной реальности [6: 61]. Таким образом, акторы могут положительно или отрицательно воздействовать на политический процесс и на реализацию политического проекта, способствовать его корректировке. В качестве политических акторов советского индустриального проекта мы рассматриваем различные сообщества, группы, имеющие общие интересы (партийно-политические, заводские, профессиональные и пр.).

Итак, важнейшим политическим субъектом советского индустриального проекта была власть, представленная партийно-государствен-

ными лидерами и государственными органами, определявшими политику и практику индустриализации. Необходимость этого проекта диктовалась как его экономической целесообразностью, так и доктринальными установками большевистского режима. Для лидеров РКП(б) необходимость модернизации России была очевидной, что отразилось в их нормативных документах. Программа РКП(б), принятая 23 марта 1919 года, включала в себя такую важную задачу в экономической области, как обеспечение перехода от мелкой, кустарной промышленности к крупной механизированной индустрии³. Политика индустриализации соответствовала провозглашенному большевиками лозунгу о «диктатуре пролетариата» как форме власти, защищающей интересы рабочего класса, постепенном превращении «крестьянской страны» в индустриальную державу. Восстановление и реконструкция промышленности, создание новых предприятий и социалистических городов должно было стимулировать рост численности рабочего класса, провозглашенного главной опорой власти, ее социальной базой. Декларируемая идея диктатуры городского промышленного пролетариата способствовала легитимации советской власти и ее политических проектов.

Стоит отметить, что, несмотря на убежденность в необходимости модернизации, до середины 1920-х годов среди политических субъектов индустриального проекта не существовало единства мнений о формах и методах проведения индустриализации, ее источниках. Планы и перспективы индустриального развития страны рождались в ходе внутрипартийной борьбы 1920-х годов. Так, некоторые советские лидеры выступали с лозунгами «сверхиндустриализации» – переброски средств, изъятых у кулачества и, частично, у кустарей, на нужды промышленности. Л. Д. Троцкий, например, обосновывал необходимость этого сохранением внешней опасности: «...сгустившееся снова империалистическое окружение и белая горячка фашизма»⁴. По его мнению, основой социалистического хозяйства и его развития были четыре «кита»: диктатура партии, Красная армия как необходимое орудие диктатуры, национализация средств производства и монополия внешней торговли, для сохранения которых необходимо: «Экономить всюду и на всем, урезать до крайности расходы... все это с тем, чтобы поддержать промышленность, снабдить ее необходимыми оборотными средствами»⁵, вкладывать средства в тяжелую промышленность. Некоторые его идеи об ускоренном развитии военно-промышленного комплекса были использованы впоследствии.

В наиболее полном виде теория «сверхиндустриализации» сформулирована Е. А. Преображенским в его «основном законе социалистического накопления», где единственным спасением

для советской страны в условиях враждебного капиталистического окружения становится ускоренная индустриализация путем мобилизации всех ресурсов страны⁶. Его работы вызвали бурную полемику, в том числе и на страницах журнала «Большевик», где Преображенского обвиняли в «безудержном пессимизме» по поводу перспектив развития СССР при «излишне оптимистическом отношении к плановому началу»⁷.

Ф. Э. Дзержинский, совмещавший в 1924–1926 годах посты председателя ОГПУ и ВСНХ, будучи сторонником «разумной индустриализации», также выступал против перекачивания средств из сельского хозяйства в промышленность. Он предлагал разумное сочетание внешних (займы) и внутренних источников индустриализации, предлагал стимулировать комплексное развитие кустарной (для удовлетворения широких потребностей населения) и фабричной промышленности⁸. Представляется, что на его взгляды оказывала влияние деятельность на посту председателя ОГПУ, основной целью которой было обеспечение политической лояльности населения.

Задача индустриализации страны была официально поставлена на XIV съезде партии: «...вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР... представлял собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную благодаря своему экономическому росту служить могучим средством революционирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний; готовить по возможности экономические резервы... принимать все меры по укреплению обороноспособности страны»⁹. Таким образом, экономические задачи объявленной индустриализации во многом вытекали из политических, прежде всего из требований внешнеполитической безопасности. На последующих партийных съездах и конференциях поставленный курс на индустриализацию получил свое дальнейшее углубление, базой которого стала идея И. В. Сталина о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. «Военная тревога» 1927 года и усложнение международной обстановки на рубеже 1920–1930-х годов демонстрировали населению правильность взятой партийной линии на реализацию индустриального проекта.

Одной из важных причин изменения индустриальной политики (но не ее конечного результата!) стало влияние акторов проекта – определенных сообществ, действовавших в заводском пространстве и вне его. К числу политических акторов мы относим заводские сообщества и отдельно рабочих, партийные структуры на производстве, профсоюзы и др.

Заводское сообщество понимается не только как совокупность людей, занятых на данном предприятии (рабочих, мастеров, инженеров, администрации), но и как существовавшие между ними многообразные связи, взаимоотношения, противоречия. Главной особенностью заводского сообщества была его неоднородность: социальная (существование нескольких социальных слоев: рабочие, бывшие крестьяне, интеллигенция, дворяне), национальная (наличие в структуре, кроме большинства русских, представителей национальных меньшинств), административная (сосуществование и совместная работа рабочих, мастеров, «старой» и «новой» технической интеллигенции, администрации, в том числе и «красных директоров»), возрастная и профессиональная (высококвалифицированные рабочие, рабочие низкой квалификации, чернорабочие, рабочая молодежь, «новые рабочие»), общественно-политическая («старые большевики», коммунисты «от станка», комсомолы, активные члены профсоюза, бывшие члены «антисоветских партий», индифферентные и т. п.), психологическая (основополагающие стремления «изменить мир» или «изменить себя»).

Эти акторы, в сущности, и должны были обеспечить практическую реализацию индустриального проекта, а власть не могла не считаться с их интересами. Политические интересы были тесно связаны как с первостепенными для всех групп заводского сообщества экономическими интересами, так и с психологическими особенностями личности и группы. Коллективные стратегии заводского сообщества (поддержка власти, демонстрация политической лояльности, протест, эскапизм и апатия) демонстрируют нам возможности его влияния на власть.

Так, подъем забастовочного движения, организованного протеста рабочих в 1923–1924 годах стал одной из причин проведения кампании по поднятию производительности труда и усилению репрессивной деятельности органов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) в экономической сфере [9].

Стоит отметить, что протестное движение было более свойственно «старым», нежели «новым» рабочим. В сентябре 1926 года в Ленинграде состоялось совещание ответственных парторганизаторов, на котором было отмечено: «Настроения (недовольства. – Н. О.) на заводах обычно бывают у старых рабочих. В волынках Путиловского завода руководителями были старые рабочие... У молодежи есть уравнилельные настроения со старыми рабочими»¹⁰.

К активным формам протеста относится «провал» партийных списков на выборах (в первой половине 1920-х годов), усиление абсентеизма (во второй половине) [8], отказ от участия в мероприятиях власти (демонстрациях и митингах, кампаниях помощи международному пролетариату)

[11], отказ от отчислений и т. д. [3]. Такие формы протеста были характерны для «новых» рабочих и технической интеллигенции.

Протестная стратегия выражалась не только в активной, но и в пассивной форме. Такая пассивность, с одной стороны, была выгодна большевикам, так как не создавала препятствий к внедрению новых, социалистических практик поведения и сохранению их власти на производстве. С другой стороны, всегда существовала опасность перехода рабочих к активным формам протеста, и поэтому «пассивность» всегда отмечалась в документах политического контроля в негативном ключе [8: 146]. Апатия вызывала серьезное беспокойство еще и по причине усиления активности кустарей, «новых» рабочих, служащих, нередко возглавляемых «бывшими людьми», и представляла собой опасность для власти¹¹.

Одним из способов привлечения «старых» рабочих на сторону власти стал Ленинский призыв 1924 года, где они становились первой категорией для пополнения партии. «Старые», квалифицированные рабочие составили большую часть, чем другие группу «ленинцев»¹². Вступление в партию в 1924 году происходило по разным причинам: повышение социального статуса, сохранение рабочего места в условиях безработицы, эмоциональное потрясение от смерти В. И. Ленина и траурных мероприятий и т. д. [4: 181–183]. Став членами РКП(б) во время Ленинского призыва, рабочие, часть мастеров, небольшая часть ин-

теллигенции оказались перед необходимостью строгого подчинения партийной дисциплине, безоговорочного подчинения решениям «сверху», оказания постоянной практической поддержки мероприятиям. Часть «ленинцев» не сразу усвоила новые отношения и новые правила игры. Так, например, информаторы на многих предприятиях СССР отмечали, что «ленинцы голосуют против списка фракции (профсоюза. – Н. О.) на общих с беспартийными собраниях, выступают против отдельных членов партии... участвуют в волынках»¹³. Ленинский призыв стал способом локализации недовольства.

К концу 1920-х годов И. В. Сталиным и его ближайшим окружением были сформулированы стратегические и тактические вопросы, определены цели и задачи, обозначены процедуры и правила советского индустриального политического проекта. Политические субъекты проекта (руководители оппозиции) были отстранены от руководства им, ряд политических субъектов (ОГПУ, профсоюзное руководство) превращаются в акторов, инструменты партии. Заводское сообщество как политический актор упускает возможность воздействия на него. Ликвидация оппозиции внутри партии, насыщение промышленного пространства новыми рабочими, преимущественно лояльными власти, появление слоя советских специалистов, достижение промышленностью уровня развития 1913 года определили начало проведения решающего этапа советского индустриального политического проекта.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00383а (грант «Советский индустриальный политический проект: подготовка и начало реализации. 1920–1932»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: Материалы X Международной научной конференции, Москва, 31 октября – 1 ноября 2013 г.: В 2 ч. / Отв. ред. А. П. Логунов. М., 2013.

² Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия: Материалы Международной научной конференции (X Колосницкие чтения). Екатеринбург, 2015.

³ Программа РКП(б) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1981. Т. 38. С. 434.

⁴ Троцкий Л. Д. О промышленности // XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 350.

⁵ Троцкий Л. Д. О промышленности // Там же. С. 326–327; Троцкий Л. Д. Заключительное слово по докладу «О промышленности» // Там же. С. 415–416.

⁶ Преображенский Е. А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. 1. М., 1926.

⁷ Астров В. Тов. Преображенский «отвечает» // Большевик. 1926. № 21–22. С. 25–40.

⁸ Дзержинский Ф. Э. Докладная записка по вопросу о металлопромышленности // Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения: В 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 364–382.

⁹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии ВКП(б). 18–31 декабря 1925 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 516–517.

¹⁰ Стенограмма совещания по вопросу работы с новыми рабочими от 10.09.1926 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 16. Оп. 1. Д. 209. Л. 10.

¹¹ Обзор политико-экономического состояния СССР за апрель 1926 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934. М., 2004. Т. 4. 1926. С. 216.

¹² Ленинский призыв: Сборник. М.; Л., 1925. С. 12–13.

¹³ Доклад о процессах и уклонах среди Ленинского призыва (по данным с мест в Информационный отдел ЦК РКП(б) до 15 октября 1924 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 60. Л. 29, 34, 42, 48, 53.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонасова А. В. Проблема адаптации общей теории управления к потребностям анализа политического проектирования // Молодежная политическая наука в Саратове. Наука. Вып. 4. 2013. С. 10–18.

2. Афонасова А. В. Проблема понятия и элементной базы политического проектирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 65–70.
3. Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006. 286 с.
4. Великанова О. В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 177–185.
5. Грачев М. Н. «Политическое проектирование» и «политический проект»: концептуализация понятий // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: теории и технологии: Материалы «круглого стола» сотрудников и аспирантов Российского государственного гуманитарного университета и Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 117–149.
6. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2006. 544 с.
7. Листратов К. Е. Теоретико-методологические основы управления политическими проектами. М.: Макс-Пресс, 2007. 158 с.
8. Офицерова Н. В. Апатия как жизненная стратегия населения на выборах второй половины 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 145–148.
9. Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 813 с.
10. Симонов К. В. Политический анализ. М.: Логос, 2002. 152 с.
11. Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. 529 с.

Ofitserova N. V., St. Petersburg Politechnical University (St. Petersburg, Russian Federation)

SOVIET INDUSTRIAL PROJECTS: POLITICAL SUBJECTS AND EXECUTANTS

The article discusses possibilities of applying the theory of political engineering to the process of Soviet industrialization. The main subjects of the Soviet industrial project, its capabilities and the scope of activities are discussed. External and internal preconditions of the Soviet industrial project development are considered. Political executants of the project – interest groups that could influence its process and implementation are identified. The factory community is presented as a single entity of realizers of the Soviet industrial project. The project's heterogeneity and differentiation are revealed. Collective strategies of the active and passive protests are identified as a way of social resistance. Lenin's call is seen as a tool of localizing displeased older workers. A conclusion on the beginning of the decisive stage of industrial realization of the Soviet project in the late 1920s is made.

Key words: Soviet industrial political project, theory of political design, subjects, actors, community factory, old workers, new workers, Lenin's call, collective strategy

REFERENCES

1. A f o n a s o v a A. V. The problem of the General theory adaptation to the analysis of political design [Problema adaptatsii obshchey teorii upravleniya k potrebностям analiza politicheskogo proektirovaniya]. *Molodezhnaya politicheskaya nauka v Saratove. Nauka. Vypusk 4*. 2013. P. 10–18.
2. A f o n a s o v a A. V. The problem of the concept and elements of political design [Problema ponyatiya i elementnoy bazy politicheskogo proektirovaniya]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya*. 2013. Vol. 13. № 2. P. 65–70.
3. B o r i s o v a L. V. *Trudovye otnosheniya v Sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.)* [Labor relations in Soviet Russia (1918–1924)]. Moscow, Sbornik Publ., 2006. 286 p.
4. V e l i k a n o v a O. V. The image of Lenin in mass consciousness [Obraz Lenina v massovom soznanii]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1994. № 2. P. 177–185.
5. G r a c h e v M. N. “Political engineering” and “political project”: the conceptualization of categories [“Politicheskoe proektirovanie” i “politicheskij projekt”: kontseptualizatsiya ponyatij]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. 2013. № 3. P. 117–149.
6. K o z l o v a N. N. *Sovetskie lyudi. Sseny iz istorii* [The Soviet people. Scenes from the history]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 544 p.
7. L i s t r a t o v K. E. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy upravleniya politicheskimi proektami* [Theoretical and methodological foundations of political projects]. Moscow, Maks-Press Publ., 2007. 158 p.
8. O f i t s e r o v a N. V. Apathy as a vital strategy of the population during election campaigns of the second half of the 1920s. [Apatiya kak zhiznennaya strategiya naseleniya na vyborah vtoroy poloviny 1920-kh gg.]. *Vlast'*. 2014. № 5. P. 145–148.
9. P l e k h a n o v A. M. *Dzerzhinskij. Pervyy chekist Rossii* [Dzerzhinsky. The first chekists of Russia]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2007. 813 p.
10. S i m o n o v K. V. *Politicheskij analiz* [Political analysis]. Moscow, Logos Publ., 2002. 152 p.
11. U l ' y a n o v a S. B. “To na skaku, to na boku”: Massovye khozyaystvenno-politicheskie kampanii v petrogradskoy/leningradskoy promyshlennosti v 1921–1928 gg. [“Then gallop, then on the side”: Mass domestic political campaigns in Petrograd/Leningrad industry in 1921–1928]. St. Petersburg, Izd-vo Politekhn. un-ta Publ., 2006. 529 p.

Поступила в редакцию 30.11.2015